

День пятый

Новые стихотворения

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анатолий Жариков

Анатолий Жариков

День пятый

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Жариков А.

День пятый / А. Жариков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Новые стихи. О чём они? О том, что волнует человека всегда: о море и птице, о женщине и мужчине, о жизни и смерти. Почему всё то же и - волнует? Может быть, потому, что по-новому увиделось и записалось. А чтобы поверить в это, надо это прочитать, дорогой читатель. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Диагноз	6
Марьинка	7
Городская элегия	11
Гоголь. Заграница	12
Колизей	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

*Молекула швабры состоит
из атомов швабры.*

Диагноз

А уже на восьмом марафон-километре
спины позвонки стремятся в дугу и
вот тебе маслом картина:
всунешь ногу в штанину
и ждёшь попутного ветра,
чтобы войти в другую.

Или загрузишь пружину,
закроешь веки
и надеешься в страхе –
ан слышишь под пахом
тихий, осмысленный, мирный
тик вековой стрелки.

Почему ты их не замочил ещё в чреве
Евы, изобретателей денег, пороха, петли?
От убогих корней болеют деревья,
пятна на солнце от сильного ветра
или жаркого лета. На кой деньги, когда в главсовете
отсырел порох или на шее петля?

Изобретателю любви не светит
долго светить, здесь не заметят,
не приветят и не поймут.
Задним умом пожалеет Му-му
и залюбит не спеша, основательно, еле
на всех изгибах Мёбиуса постели.

Плодитесь и размножайтесь.
Создатель
Бог оглянулся:
нас уже много.
Плевков на дорогу.

После взрыва
ослепло поле ромашек.
Жаркое лето 2017-го.

Знаков зодиака выше
крыша хижины поэта.
Сияют прорехи.

Марьинка

(почти песня)

Утро начинается с рассвета,
с яичницы с котлетой,
с кларнета, с в ноге спазма.
А в Марьинке ни воды, ни газа,
ни хлеба, ни сала.
Утро начинается с подвала.

Сидишь, торчишь,
дрожишь, дрочишь,
бога просишь –
отведи, родимый,
пулю, гранату, мину
от Марьинки моей,
страх развей.

Залёг в блокаде,
как Мандельштам в Ленинграде,
как Мандельштам в гробу
считаю – бум! бум! –
снаряды.
Не трогайте, пожалуйста, Марьинку,
гады!

Ты создал нас
по образу и подобию.
Зачем творим тебя по своему?

Последний букет
из красных роз.
Полная ванна.

Чтобы умереть,
не обязательно
жить.

И то сказать:
я жил на все четыре
земных дороги,
слышал песнь дрозда,
опаздывал на поезда,
купался в море,

кур в колхозе тырил.

Пройдя же далеко за середину
пути своей, подобно Насреддину,
жонглируя судьбой добра и зла,
я бросил дом и женщину в том доме
и ничему не научился, кроме
упрямства и терпения осла.

Я исчерпал словами бытие,
в быту мне тесно, потому и страстно.
Я пью из лужи, я руками ем
и вытираю губы о пространство.

Хеопса слева, Колизея справа –
забвения трава.
История забудется в тиранах,
поэт в словах.

Рано бомжику вставать,
время ренту собирать,
пожурил он бога мать,
потянулся – благодать,
неохота умирать.

Чудно просыпается жизнь.
И не хватает сил
умереть.

Если б Елену сожгли на костре,
а Париса распяли,
не сгорела б Троя, а те
греки, которые не с той встали,
сидели б дома, пили вино, ласкали женщин,
толкали речи.
И Гомер не ослеп бы,
пиша такие длинные строчки
под олеандровой свечью,

впрочем было б нелепо
думать о трусости греков,
пусть их.

Живу,

пишу,
иногда получается.

Ольга диво
парит над Киевом,
вымысливает малютку Иву.

Над Евпаторией
Мая
с малюткой Ру.

И сколько легионов лет,
господи, адский твой пламень.
Жив ещё внук твой Каин,
в левой руке хлеб,
в правой камень.

Бог дал нам руки,
чтобы мы накладывали их
на эротические места женщин.

Бог дал нам слово,
чтобы мы извлекали из него
другие слова и смыслы.

Дай нам, бог, локатор,
чтобы мы определили
место твоего лежбища.

Не скотская власть.
Владеть всеми
как быть всем.

Небесный потолок
зажигает люстры.
Приседает сознание.

Осенний
монолог
голового ясеня.

Протягивает

дерево –
лист, плод, сук.

У моего бога
нет денег,
женщины, рассудка.

Дождь.
Снег.
Медицинский спирт.

Родничок в ложбинке.
Мечется Млечный
в ладонях ковшике.

Засыпаю, не дочитав
письма Гоголя
к маменьке.

Приходил сын бога,
ставил клистир. Не помогло.
Ушёл.

Городская элегия

Мой чердак на четвёртом пятиэтажки,
в нём стол-ящик, стул ящик и всякая лажа.
Иногда залетает в окно голубиная почта,
я пишучий, живучий, влюблючий и прочая.

Высоко под окном сквозная трещина,
иногда приходит (снится) любимая женщина.
Чаще только никто не приходит, здесь тихо,
слышно даже, как кровь, опомнившись, тикает.

Иногда приходит ещё не старый:
то допить забыл, то за пустой тарой.
Или струны настраивает на бесструнной гитаре.

Гоголь. Заграница

В Женеве холодно. В Италии холера,
лечу в Париж: бульвары, дамы, пунш.
Шучу, конечно, хватит мне без меры
тепла и здоровья от наших мёртвых душ.

Мне скучно, томно,
жить чего мне для?
Addio, потомки! –
Gogol Nicola.

«Здравствуй, Мыколо! –
пишет земляк, –
от Вечеров бывают колики,
от Ревизора – столбняк.
Пришли Мёртвых душ,
мать их так!»

Красота
позволяет дрожать
сочувствующей мышце.

Два титанических слова
ворочают мир:
от языка и от сердца.

До тридцати мы молоды, а потом
тихо любим.
Мужчина задыхается животом,
женщина грудью.

Как будто я выехал
и со мной не простился.
Клочки бумаги, стакан на столе,
рубашка на стуле
в номере недорогой гостиницы.

Утром не жарко,
летит тополиный пух,
сидят в детском парке
отец, сын и просто дух.

Говорит сыну отец:

–Будь не мальчиком, но мужем,
не болтайся в саду, не броди по лужам,
одна нога там, другая тут,
не высовывайся, а то распнут,
а ты нам скоро как нужен.

Посылает отец сына,
два квартала до магазина.

Я напишу вам что-то пошрое,
случайное или нарочно.
Как наша жизнь уходит в почву,
поэзия уходит в прошлое.

Читатель грошик дал за строчку.
«Проси, – сказал, – у бога матери».
Поэзия уходяв автора,
как наша жизнь уходит в почву.

Сожгу, порву, закрою почту,
останется одно хорошее.
Поэзия уходит в прошлое,
как наша жизнь уходит в почву.

Поэзия –
вариант из
666 вариантов.

В небо
ты пока ещё не смотришь.
Ты пока задираешь голову.

Проснулся –
оправдывайся, художник.
И мир оправдывай.

Дорога –
не идти –
убегать.

Утренняя голубя молитва,
по лицу размазываю бритву,

женщина уходит на массаж,
в небе облака из сажи,
а из сада яблок сладкий запах,
я умру сегодня или завтра.

молодое зелёное
светлое движение
живёт в лесу

Распечатал женщину,
яичницу, кофе,
дождь после обеда.

Посмотрела строчки –
«Почисть картошки», -
сказала.

–Снимай трусы!
–?!
–Постираю...

К шоколаду, чаю, сексу, лету –
ну никакого иммунитета.

Читайте, понравится.
Я сам их сотни раз
перешёпывал.

Ты настолько бессмертен,
что я не вижу
твоей улыбки.

А когда подумал,
всякое дело оказалось
бессмысленным.

Теперь понял?
не я, а стихи
должны быть известными.

Да походи ж по волнам,
загони дачу,
раздай бабки бомжам.

День посерел, и цветы потемнели,
теплится свечка в окошке еле.
Вечер приходит, сидит у меня.
Крайняя хата у крайнего дня.

Написал 13 книг,
а надо бы одну.
Живу с одной женщиной,
а надо бы с 13-ю.
Живу 72 года,
а надо бы 130.
Что поделаешь,
Создатель создал меня
на 13-м этаже дома,
которого не существует
на планете Земля,
на которой бы не рожаться
ни 13-го, ни 666-го
числа от сотворения мира.

От крыльев носа
до крыльев ангела –
голубень.

Колизей

Даже тот,
кто сторожил здесь,
ушёл.

Солнце в зените.
Тень ушла в пятки.
Печёт голову.

Женщина смеясь
протягивает на ладони
аромат яблока.

Это не холст.
Это кожа щеки
и красные слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.